

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Э.Л. Дубман*

ХОЗЯЙСТВЕННО-ПРОМЫСЛОВЫЕ ЗАНЯТИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОНИЗОВОГО ПОВОЛЖЬЯ В XVII ВЕКЕ

Изучение начального периода хозяйственно-промыслового освоения Понизового Поволжья невозможно без выявления степени участия в нем жителей местных городов. Для рассмотрения данного явления выбраны города-крепости, расположенные по Волге от устья Камы до Астрахани. Последняя, в силу своего исключительного положения, требует отдельного исследования, как это для конца XVII – первой четверти XVIII вв. сделала Н.Б. Голикова¹. Помимо того, мы исключаем также Симбирск и Сызрань, так как последние сразу после возникновения стали центрами крупной земледельческой округи, и хозяйственные занятия их жителей в значительной степени определялись этим обстоятельством.

В качестве исходного выдвигается положение, что хозяйственные занятия и просто повседневная жизнь населения «малых» волжских городов немислимы без окружающей их водной акватории, без использования промысловых угодий, обслуживания транзитного потока грузов. К сожалению, делопроизводство местной администрации сохранилось крайне фрагментарно. Поэтому в качестве источников были использованы самые разнообразные материалы: данные чрезвычайных сборов первой половины XVII в. и, прежде всего, пятины 1634 г.; сведения из записных книг Печатного приказа, архивы церковных корпораций, земских изб, таможен, оброчных статей начала XVIII в. и т. д. Их совокупность позволяет выявить некоторые стороны изучаемого явления.

В промысловом освоении более активно участвовали жители посадов и приборные люди. Достаточно полно отражена в книгах Печатного приказа система откупов у казны. Зачастую горожане брали в аренду промысловые участки у других, более крупных предпринимателей. Такие сведения постоянно встречаются в документах дворцового и патриаршего ведомств, других церковных корпораций.

Часто арендный договор сводился к праву промышлять на определенных условиях в своей лодке и со своими орудиями в водах собственника. Труднее уловить случаи найма работников на промыслы. Нередко местная администрация принуждала посадское население и приборных людей к работе на дворцовых промыслах.

* © Дубман Э.Л. – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2010

Имеющиеся материалы не дают ответа на вопрос, как широко промысловая деятельность была распространена среди горожан. Как правило, приходится иметь дело с отдельными фактами, но не с их репрезентативной совокупностью. Даже такой, казалось бы, систематический источник, как описания пятины 1634 г., содержит порой противоречивые данные. Например, в Саратове, в отличие от Самары, торговой и промысловой деятельностью занималось только тяглое население, а именно хозяева 32 посадских дворов и 51 семья соседей и подсоседников. Из них 49, то есть около 60 %, активно участвовали в рыбном промысле. Из 428 приборных людей Саратова в 1632 г., ни об одном нет сведений как о рыбном промышленнике². В Самаре в материалах пятины указаны только 5 «рыбников», живших в Рыбной слободе. На наш взгляд, это далеко не полный список людей, кормившихся от рыбных промыслов, так как занятия многих самарцев, с которых брался налог, просто не указаны³. Удивительно, но сборщики пятины, составив подробнейшее описание пятинных сборов и занятий населения Тетюшей, не обнаружили там ни одного рыбного промышленника⁴. Тем более что в расположенном неподалеку Лаишеве рыбные ловцы (43 человека) составляли 18 % всех горожан, попавших в пятинные книги. Все они «живут на белых местах». Средний оклад рыбных ловцов – 1,41 руб. – был выше, чем в среднем по городу (1,18 руб.). Еще большее количество лаишевских рыбных ловцов указано в переписной книге 1646 г. – 65 дворов, в которых насчитывалось 242 душ м. п.⁵

Можно предположить, что для большинства горожан занятия рыболовством, другими промыслами являлись обыденной, естественной частью их хозяйственной деятельности, и они не считали нужным даже об этом упоминать.

Наиболее полные сведения об экономической жизни понизовых городов можно получить по данным о денежных сборах с откупов таможен, кабаков, торговых бань, харчевен, сусла, рыболовных и юртовых угодий⁶. Но приходно-расходные книги местных учреждений, за исключением симбирской приказной избы, обнаружить не удалось. Сведения же о сборах, содержащиеся в записных книгах Печатного приказа, в свое время собранные А.А. Гераклитовым⁷, слишком фрагментарны и не позволяют сделать сколько-нибудь обобщающих выводов. Об этом, кстати, писал и сам исследователь⁸.

Более полное представление о совокупности и статьях таких сборов можно составить только по Саратову в середине XVII в. В приведенной таблице представлены статьи откупов предприятий, обслуживающих в первую очередь потребности местного населения, внутригородские нужды. Деньги с этих статей составляли не более 15–20 % всей суммы сборов откупных платежей по городу. Все остальное приходилось на таможенную и кабацкую пошлину.

Сводные данные таблицы 1 можно дополнить. Например, в Саратове в 1653/54 г. бани, сусло, уксус, море, проруби, портомойные плоты и перевозки были отданы откупщику, члену гостинои сотни К. Васильеву за 116,99 руб.¹⁰ В 1660/61 г. с юртов собрали откупных 96,65 руб., с избных недель и кабацких приставств – 13,49 руб.¹¹; в 1661/62 г. с юртов – 96,09 руб.¹²

Таблица 1

Сборы по Саратову⁹**А) Сборы оброчных платежей и печатных пошлин, в руб.**

№	Оброчные статьи	Сумма оброчных платежей				Печатные пошлины	
		1651/52 г.		1652/53 г.		1657/58 г.	
		в руб.	%	в руб.	%	в руб.	%
1	Зимние рыбные ловли	26,86	5,68	28,14	5,88	4,95	18,92
2	Юрты	97,68	20,64	86,69	18,1	7,07	27,0
3	С саратовских жильцов за летние рыбные ловли	129,18	27,3	129,18	26,96	6,48	24,75
4	С ловцов верховых городов за летние рыбные ловли	77,29	16,33	78,80	16,45	5,62	21,5
5	Вешние рыбные ловли	1,87	0,4	1,87	0,4	-	-
6	Саратовские торговые бани, квас, сусло, уксус, торг, «пролуби», портомойные плоты, перевозы через Саратовку и Волгу	126,86	26,8	154,34	32,21	-	-
7	Избные недели и кабацкие приставства	13,49	2,85	-	-	2,05 ¹	7,83
	Итого:	473,23	100,0	479,02	100,0	26,17	100,0

Б) Откупные сборы с таможни и кабаков, в руб.

№	Годы	Откупщики	Кабак	Таможня	Условия сдачи
1	1633/34	Патриарший крестьянин	1430,9	551,13	-
2	1636/37	Коломнянин	1775,45	-	-
3	1650/51	Кадашевец Г. Михайлов	1681,44	-	с наддачей
4	1651/52	Он же	-	-	-
5	1667/68	Верный голова С. Юрьев	Не смог собрать всю сумму	-	-
6	1670	Он же	Недобор против сбора 1658/59 г.	-	-

¹ совокупный сбор за 1656/57 и 1658/59 гг.

Не только по Саратову, но и по другим «малым» городам региона сдача на оброк юртов приносила значительные доходы. Судя по суммам откупов «летних рыбных ловель», являвшихся основными среди других промысловых статей, можно сделать вывод о том, что местные саратовские откупщики занимали более значимое место в рыболовстве края, чем иногородние¹³. Однако если учесть, что значительная часть саратовских вод принадлежали монастырям (Новоспасский, Чудов, Высокопетровский и другие) и Дворцу, а местные

и иногородние мелкие и средние предприниматели предпочитали иметь дело именно с этими собственниками, картина кардинально меняется.

Разумеется, размеры этих сборов не шли ни в какое сравнение с откупными платежами за кабак и таможду. По тому же Саратову (табл. 1) кабацкие сборы составляли от 1400 до 1800 руб., таможенные – от 550 до 1000 и более руб. Например, в 1672 г. саратовские посадские люди просили сдать таможду на откуп за сумму не менее 1000 руб. В случае если таких предложений не поступит, община соглашалась взять этот откуп на веру. Еще более красноречиво соотношение по статьям сборов за рыбные ловли, таможни и кабаки в Симбирске. Сравнительно небольшие доходы городского бюджета за оброчные рыбные ловли в 1665-1667 гг., выглядят совершенно несопоставимыми с откупом кабаков и таможен в городе и уезде за 5000 руб. годовых¹⁴.

Интересно сравнить печатные пошлины, взимаемые с отдельных статей, с общей суммой их сборов. Уникальная коллекция погодных данных о печатных пошлинах с откупщиков и челобитий сохранилась по Саратову. Она охватывает время с 1629 по 1661 гг. В конце 1620-х – 1630-х гг. средние сборы составляли от 25 до 28 руб. (4 года). Данные за 1636/37 г. – 74,58 руб. и за 1637/38 г. – 114,20 руб. являются, возможно, сводными за несколько лет. В 1640-х гг. (4 года) максимальные размеры годовых сборов несколько возросли (1641/42 г. – 27,19 руб., 1647/48 г. – 33,95 руб.), но случались и резкие спады в экономической активности (1642/43 г. – 22,30 руб., 1644/45 г. – 21,92 руб.). Тенденция к росту сборов наблюдается и в 1650-х гг. (5 лет). В 1651/52, 1652/53, 1653/54 и 1654/55 гг. собирали в среднем немногим более 38 руб. в год (1651/52 – 38,04 руб., 1653/54 – 38,22, 1654/55 – 38,37) и только в 1657/58 г. – 26,17 руб.

Данные о сборах печатных пошлин по Самаре и Черному Яру, в силу своей фрагментарности, вряд ли можно сопоставить с саратовскими. В Черном Яре за 2 года – 1627/28 г. – 1628/29 собрали всего 20,48 руб., однако необходимо помнить, что город был только что построен. По Самаре за 4 года – 1622/23 – 1625/26 – в наличии оказалось только 38,66 руб., хотя таким единичным сведениям вряд ли можно полностью доверять. Лишь одна запись имеется по Астрахани. В один из годов (до 1631 г.) было собрано 358,34 руб., но и эта сумма (вполне возможно, что неполная) показывает разницу в размерах предпринимательской деятельности различных городов Понизовья.

Невозможно точно выявить общую сумму откупов, исходя из размеров печатных пошлин, так как в них включались сборы двух видов: с челобитных – по 0,25 руб. (полуполтине) с каждой (при откупах до 6 руб. включительно) и собственно печатные пошлины – по 3,75 копеек с рубля (3,75 %) ¹⁵. Но и при самом грубом подсчете по Саратову, при учете, что в целом откупы составляли ежегодно до 2,5–3 тыс. руб., сумма годовых печатных пошлин должна была достигать 80–100 руб. Разумеется, этот показатель дает представление только об экономической активности в городе и его окрестностях, не выделяя местное или пришлое население, специфику оброчных статей и т. д.

Посадские и приборные люди совместно требовали приписки к городу участков волжских вод для безоброчных промыслов. Они были крайне заин-

тересованы в получении в монопольное «безоброчное», не ограниченное ни сроками, ни какими-либо другими условиями пользования прилегающей к городу волжской акватории. Этими угодьями, как правило, протяженностью в 10 верст могли пользоваться все без исключения жители городов. Отдельным промышленникам или их «компаниям» запрещалось создавать препятствия для промыслов всех остальных. Возникновение крупных промысловых предприятий в пригородных водах было практически невозможно. Фактически это было продолжением посадской реформы, но уже для всех тяглых и служилых категорий городских жителей. Именно этими обстоятельствами обусловлена череда пожалований рыболовными угодьями для всех понизовых городов. Характерно, что пожалование «водами» для большинства городов, значительно опережало наделение «землями» и прочими сельскохозяйственными угодьями.

Данная практика получила развитие еще в первой половине XVII в. Например, при основании Черного Яра, по указу Михаила Федоровича, его жителям были даны в безоброчное пользование «воды по 5 верст вверх и вниз по Волге реке»¹⁶. Не ясно по каким причинам, но позднее их стали сдавать на оброк, и местное население потеряло на них исключительные права. Еще одно близкое по времени пожалование произошло в 1649 г., когда по царскому указу ногайским мурзам указали жить под Астраханью: они получили поденный корм «и по Волге дати рыбные ловли, и лошадем на корм луга и поля»¹⁷. Однако это были единичные случаи, не ставшие системой.

Перелом наступил во второй половине XVII в., когда подобные пожалования происходили постоянно. В середине – второй половине 1650-х гг. получили 10-верстные участки (5 верстами выше и 5 ниже) жители Самары в 1655 г.¹⁸, Саратова – в 1658 г.¹⁹ (в 1659 г. подтверждение²⁰ и в 1658 г. – Царицына²¹). В Симбирске служилое население, уже владевшее земельными угодьями, стало монопольным собственником пригородных вод (4 версты ниже и 4 выше города) в 1661 г.²² В 1682 г. право на пользование 10-верстным участком было возвращено жителям Черного Яра²³. В итоге население всех понизовых городов, между Тетюшами и Астраханью, стало монопольным владельцем сравнительно крупных промысловых участков Волги.

Характерно, что в Астрахани такие пожалования начались довольно поздно, и их давали, как правило, отдельным категориям населения. Например, в 1684 г. последовал указ о пожаловании астраханским стрельцам участка в 5 верст в «Болде реке»²⁴.

Процесс получения промысловых вод был однотипен. В Москву посылалась челобитная от всех горожан (формула по Самаре – «городовых дворян и детей боярских и всяких чинов людей»; по Царицыну – всяких служилых «жилицких людей»), в ответ на которую следовал царский указ. Прав А.А. Гераклитов, считая, что в получении безоброчных пригородных вод было заинтересовано все население города. Оно же выступало коллективным пользователем всей этой водной акватории²⁵.

Выявить особенности промысловой деятельности отдельных групп населения городов Понизового Поволжья довольно сложно. Местные подьячие должны были фиксировать все случаи откупных платежей, собирая с них

печатные пошлины (случаи освобождения от пошлин редки, но они также фиксировались). Служилое и посадское население небольших поволжских городов активно занималось рыболовством и эксплуатацией юртов, поэтому в документации съезжих изб и Печатного приказа все эти факты должны быть отражены. Однако в ней крайне редко встречаются имена местных оброчников. По Самаре, например, за весь XVII в. отмечено всего таких 17 случаев, по Саратову – 3, по Царицыну и Черному Яру – ни одного. И это при том, что за многие годы книги Печатного приказа сохранились в весьма удовлетворительном состоянии. Между тем иногородние откупщики были учтены гораздо лучше, и их количество, судя по записям, несоизмеримо превосходило число местных предпринимателей. Объяснить это обстоятельство только тем, что за местными городскими сообществами в XVII в. было проведено закрепление прилегающих к городам участков волжской акватории нельзя, так как произошло это только в середине 1650-х гг. (а у ряда городов еще позже). Ранее же местным предпринимателям приходилось либо брать на откуп рыбные ловли и юрты у казны, что фиксировалось в приказных книгах, либо, что происходило значительно чаще, оброчиться или наниматься наемными ловцами или ватажскими рабочими к крупным промышленникам. Возможно, А.А. Гераклитов прав, считая, что часть промысловых угодий могла сдаваться на откуп непосредственно местными воеводами, и сбор пошлин с них не попадал в книги Печатного приказа²⁶.

Следует признать то, что, казалось бы, самый целостный и полный источник, которым мы располагаем, а именно записные книги Печатного приказа, далеко не так репрезентативен, как хотелось бы. И все же имеющиеся в них материалы об откупах позволяют определить особенности промысловой деятельности горожан.

Остановимся подробнее на их характеристике. Если по Саратову все три случая откупов относятся к участкам волжских промысловых вод, то в Самаре местные жители предпочитали (из 17 откупов – 12) прежде всего эксплуатацию юртов, то есть промысловых угодий по берегам сравнительно небольших рек – Самары, Сока, Кинеля или рукавов Волги, где лов рыбы сочетался с добычей зверя. Юрты Понизового Поволжья очень близки к урожаям других регионов²⁷.

В 4 из 5 случаев откупов по Самаре, и в 2-х из 3-х по Саратову волжские рыболовные угодья использовали посадские люди. Лишь однажды в 1643 г. самарские подгородные ловли на 1 год за 14,11 руб. взяли «самаряне всякие чины», а в Саратове в 1662 г. – стрелец также на 1 год за 2,18 руб. Местные горожане не располагали значительными средствами для заведения крупных промыслов, о чем свидетельствуют суммы откупных платежей. По Самаре и Саратову они не превышали 30–35 руб. в год (Самара – 29,75; 26,27; 14,11; 6,75; 2,02 руб.; Саратов – 35,12; 11,15; 2,18 руб.). В Самаре откупщики предпочитали брать промысловые угодья на сравнительно длительные сроки (1 откуп – на 1 год, 3 – на 3 года, 1 – на 4 года), причем, как правило, в договоре оговаривалось условие: «вплоть до перекупки». В Саратове все три случая откупов ограничивались годовым сроком.

Любопытны случаи откупа юртов. Среди промышленников были вдовый поп (1); «самарянин» по прозвищу «Часовник» из служилых людей (1); еще в одном случае – крестьянин с. Рождествено Самарского уезда, в 3-х – посадские люди, в 2-х – конные и в 2-х – пешие стрельцы; в одном – пушкарь. Известен лишь один случай, когда посадский человек одновременно брал в оброчное пользование юрт и волжские рыбные ловли. При разнообразии социальной принадлежности промышленников среди них преобладали служилые люди. Вряд ли список лиц, представленных в записных книгах, являлся исчерпывающим. Необходимо отметить, что в юртах промышленники и те, кто получил это право за службу²⁸. С 1626 г. в Самаре известна довольно значительная группа юртовых казаков. Видимо, они несли службу в обмен на право безоброчного пользования юртами. Документальные сведения о хозяйственной деятельности казаков крайне редки и касаются прежде всего сельскохозяйственных и промысловых угодий. Например, в 1690 г. самарский помещик В.Ф. Бакшеев дал поступную запись на сенные покосы юртовым казакам Ивану и Илье Рязановым²⁹.

Однако обратимся к откупщикам. Преобладали откупы юртов на длительный срок (2 раза по 5 лет, один – на 2 года, остальные – на 3 года). Как правило, годовые суммы откупных платежей невелики: менее 5 руб. – 2 случая, от 6 до 10 руб. – 3, от 10 до 15 руб. – 3, от 20 до 30 руб. – 2.

Действительно крупными откупщиками были в 1650 г. посадский человек Я. Тиханов, взявший на 3 года «самарские юрты Мочинский и Сосновский» с зверовыми и рыбными ловлями (в год он платил 44, 34 руб.), и в 1660 г. крестьянин с. Рождествено К. Арзамасцев, откупивший на 3 года «и впредь» Соковский и Кинельский юрты за 42,83 руб. в год.

Создается впечатление, что население Самары и, прежде всего представители приборных людей, предпочитали откупы юртов рыбным ловлям на Волге. По другим же городам Понизовья о юртовых промышленниках практически сведений не сохранилось. Видимо, данную ситуацию следует отнести на счет слабой репрезентативности делопроизводства Печатного приказа. Хотя при сравнении сохранившихся сведений в его книгах, например, о крупных церковных промышленниках с документами, находящимися в других коллекциях (монастырские фонды, Грамоты Коллегии экономии и т. д.), напротив, можно убедиться в полноте и аккуратности записей. Объяснить это противоречие мы не можем.

Записи об откупах по Самаре начинаются с 1643 г. Но из других источников видно, что уже в 1622/23 г. Шелехмецкие воды до нижнего устья р. Самары принадлежали самарским стрельцам И. Половороту с товарищами. Они ловили там 2 связками «всякой ловецкой снастью», кроме частиковой, и на своем стану держали становую лодку³⁰.

Характерна динамика откупов, зафиксированных в записных книгах по Самаре по десятилетиям: 1640-е гг. – 5, 1650-е – 11, 1660 – 1, 1670-е – 1. В Саратове 2 случая приходится на 1636 г. и 1 – на 1662 г.

При сопоставлении данных Печатного приказа и пятины 1634 г. по Самаре и Саратову вырисовывается весьма любопытная ситуация. Из 8 жителей Самары, имена которых мы знаем (один из них – стрелец, еще один – вло-

вый поп), только 3 (из них один весьма сомнителен из-за несовпадения имен: Илья – Артюшка) встречаются в пятинной росписи, причем ни один из них не принадлежит к «рыбникам» и не имеет указаний на род занятий.

Думается, что самостоятельные откупные предприятия, особенно в волжских водах, были довольно редким явлением еще и потому, что местные жители предпочитали либо наниматься в качестве ловцов к более крупным предпринимателям – монастырям, верховым промышленникам, дворцовым приказчикам и т. д.; либо брать в подряд у них небольшие участки ловель. Тем более что лучшие рыболовные угодья по Волге к середине – второй половине XVII в. оказались практически разобранными (особенно это очевидно по Самаре). Такой способ предпринимательства хорошо отражен в материалах промысловых хозяйств Новодевичьего и прочих монастырей, других крупных владельцев. Например, по данным 1659 г., на черноморском промысле князя Я.К. Черкасского в качестве подрядчиков указаны 8 саратовцев, из них один посадский человек Н. Карпов, а остальные – стрельцы³¹. Чуть позже, в 1664 г., саратовские стрельцы подряжались ловить рыбу на саратовский промысел гостя Василия Шорина³².

Среди промышленников всех понизовых городов не видно местной верхушки – дворян и детей боярских. В отличие от нижележащих городов, представители служилого города Самары начиная с 1640-х гг. постепенно стали получать поместные земли на Самарской Луке, где к концу столетия сложилось несколько селений, принадлежавших местным помещикам³³. Крайне редки случаи получения в оброчное пользование земель (как правило, только на Левобережье) посадскими и приборными жителями Самары. Например, в 1639 г. таким владельцем стал самарец И. Поликарпов³⁴. Совершенно неясно, как эти земли использовались.

Складывание оброчных юртовых и земельных владений на самарском левобережье Волги стало первым признаком начинающегося процесса хозяйственно-промыслового освоения заволжских земель. Новым этапом в развитии городской промысловой собственности (после пожалования пригородными водами) явилось наделение горожан (посадских и приборных людей) пригородными землями. В конце XVII в. (в 1688/89 г.) такое пожалование из всех низовых городов (за Симбирском и Сызранью на Правобережье) получили только жители Самары. По их челобитной к городу было приписано 120 тысяч десятин «конских и скотских выпусков и сенных покосов»³⁵. Но в данном случае речь не идет о земледельческом освоении. Среди документов конца XVII – начала XVIII вв. постоянно встречаются жалобы жителей поволжских городов о том, что земледелием на Левобережье заниматься невозможно из-за постоянной угрозы нападения кочевников. Характерно, что при отмежевании этих земель выяснилось, что вокруг города уже существовали оброчные бортные, сенные и даже «пашенные» земли³⁶. Видимо, там происходило промысловое освоение «наездом» по типу метода хозяйствования, широко распространенного до середины XVII в. в Симбирско-Закамском Поволжье. Такая хозяйственно-промысловая деятельность, уже на первых этапах своего развития, столкнула местное население с издавна промышлявшими здесь башкирами³⁷.

Таким образом, население волжских городов являлось активным участником промыслового предпринимательства в Понизовом Поволжье. Формы такого предпринимательства могли быть самыми различными – от откупов до подрядов и найма в качестве рабочей силы. Как об этом свидетельствуют материалы местных таможен³⁸, хранящиеся в РГАДА, они также зачастую занимались скупкой уловной рыбы у ловцов. В данной статье рассматривались, прежде всего, случаи откупов, то есть создания временных, но относительно самостоятельных предприятий. Для большинства местных горожан рыболовецкие промыслы были важнейшим источником доходов. Именно этим объясняются столь настойчивые попытки добиться приписки к городской округе примыкающих к ней волжских вод. В подавляющем большинстве случаев размеры откупов и их продолжительность были невелики и, как правило, не превышали года.

Примечания

¹ Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., 1982.

² Смирнов П. Окладная роспись пятины по городу Саратову 1634 года // Труды СУАК. Саратов, 1916. Вып. 33. С. I-XXIII; Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI-XVIII вв. Саратов; М., 1923. С. 218– 228.

³ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 396. Оп. 1. Ч. 26. Д. 41162. Л. 29– 45.

⁴ Карпачев А.М. Города Московского государства и их торгово-промышленное население по пятине 1634 (142) года: дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1948. С. 343– 347.

⁵ Там же. С.339– 342

⁶ Веселовский С.Б. Азартные игры как источник дохода Московского государства в XVII веке // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому. М., 1909. С. 291– 316; Он же. О привилегиях по суду откупщиков и верных сборщиков // Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 120– 145; Сташевский Е.Д. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Ч. 1. С. 177– 183; Демкин А.В. Откуп как форма накопления капитала в России XVII в. // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. К 100-летию со дня рождения члена корреспондента АН СССР С.В. Бахрушина. М., 1984. С. 149– 156; Соборное уложение 1649 года. Текст, комментарии. Л., 1987. Гл. XVIII. Ст. 21. С. 94.

⁷ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – А СПб ИИ). Ф. 38. Оп. 1. Д. 66, 67, 68.

⁸ Гераклитов А.А. Самара и Самарский уезд XVII в. (по записным книгам Печатного Приказа) // Классика самарского краеведения: антология / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Вып. 2. Самара, 2006. С.194, 195.

⁹ А СПб ИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 303– 305, 312– 314; Д. 68. № 793.

¹⁰ Там же. Д. 68. № 1414.

¹¹ Там же. Д. 68. № 795.

¹² Там же. Д. 68. № 796.

¹³ Там же. Д. 67. Л. 303– 305, 312– 314; Д. 68. № 793.

¹⁴ Зерцалов А. Материалы для истории Симбирска и его уезда. Приходо-расходная книга Симбирской приказной избы (1665– 1667 гг.). Симбирск, 1896. С. 22, 40– 44.

¹⁵ Соборное уложение 1649 года. Текст, комментарии. Л., 1987. Гл. XVIII. Ст. 21. С. 94

¹⁶ АИ. Т. 5. СПб., 1842. № 89 С. 141.

¹⁷ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 4. СПб., 1842. № 32. С. 77.

¹⁸ А СПб ИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 329.

¹⁹ АИ. Т. 4. СПб., 1842. С. 335.

- ²⁰ Там же. С. 376.
- ²¹ Там же. С. 357.
- ²² Невоструев К.И. Историческое обозрение Симбирска от первых времен его до возведения на степень губернского города. Симбирск, 1909. С. 13.
- ²³ АИ. Т. 5. СПб., 1842. № 89. С. 141.
- ²⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое с 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб., 1830. (Далее – ПСЗ-1). Т. 2. № 1065. С. 578
- ²⁵ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI– XVIII вв. 1923. С. 219.
- ²⁶ Гераклитов А.А. Самара и Самарский уезд XVII в. С. 219
- ²⁷ Там же. С. 224.
- ²⁸ Там же. С. 224– 227.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 1155. Д. 2.
- ³⁰ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Далее – ОР РГБ). Ф. 22. Д. 128. Л. 172об. 173.
- ³¹ А СПб ИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 68. № 880.
- ³² Там же. № 630
- ³³ Самарская Лука в XVI- начале XX вв. /Ю.Н. Смирнов [и др.] Самара, 1995. С.26, 181– 185
- ³⁴ Гераклитов, А.А. Самара и Самарский уезд XVII в. С. 227.
- ³⁵ Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 673. Оп. 1. Д. 55.
- ³⁶ Там же. Л. 7– 9.
- ³⁷ А СПб ИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д.67. Л. 186
- ³⁸ РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1193,1634,1646,1668,1745.